

Я ХОТЕЛ УБИТЬ НЕБО

АВТОБИОГРАФИЯ КАБАЧКА

Жиль Пари

Жизнь девятилетнего Кабачка, в результате нелепой случайности оставшегося сиротой и попавшего в приют, могла бы стать основой для полномасштабной трагедии в античном духе. Однако Жиль Пари выбирает другой путь: стартовав с самой низкой, драматичной ноты, он, тем не менее, находит способ превратить автобиографию маленького Кабачка в историю одновременно правдивую, согревающую, пронзительную и обнадеживающую.

Галина Дзефович, книжный обозреватель

Жиль Пари

**Я хотел убить небо.
Автобиография Кабачка**

ИД "КомпасГид"

2002

УДК 821.133.1-053.6

ББК 84(4Фра)-44

Пари Ж.

Я хотел убить небо. Автобиография Кабачка / Ж. Пари — ИД "КомпасГид", 2002

«Я всегда хотел убить небо, с раннего детства. Когда мне исполнилось девять – попробовал: тогда-то я и познакомился с добродушным полицейским Реймоном и попал в „Фонтаны“. Здесь пришлось всем объяснять, что зовут меня Кабачок и никак иначе, пришлось учиться и ложиться спать по сигналу. Зато тут целый воз детей и воз питателей, и никого из них я никогда не забуду!» Так мог бы коротко рассказать об этой книге её главный герой. Не слишком образованный мальчишка, оказавшийся в современном французском приюте, подробно описывает всех обитателей «Фонтанов», их отношения друг с другом и со внешним миром, а главное – то, что происходит в его собственной голове. Каково это – быть сиротой, который не нужен никому? А если ты нужен кому-то, что при этом меняется? В этой книге много того, что трогает до глубины души и помогает вспомнить, что детские мечты должны сбываться. «Автобиографию Кабачка» хочется разобрать на цитаты, чтобы показывать их всем взрослым, которые почему-то так быстро забывают, что значит быть ребёнком. Жиль Пари (родился в 1959 году) нечасто издаёт новые тексты: один роман в десять лет – обычный темп этого бывшего журналиста, знатока литературы и киномана. Зато каждая его книга – словно бриллиант: нет в них ни лишних слов, ни проходных эпизодов. На русский язык «Автобиографию Кабачка» перевела Ира Филиппова, подарившая российским читателям книги Жан-Филиппа Арру-Виньо, Тимоте де Фомбеля, Франсуа Пласа и многие другие. Написанная в 2002 году «Автобиография Кабачка» хороша известна во Франции: она была экранизирована дважды, один раз как телевизионный фильм, другой – как анимационная картина. Жилю Пари приходится отбиваться от бесчисленных вопросов: «Кабачок – это вы?» Он неизменно отвечает: «Кабачок – это каждый из нас. Хотя бы чуть-чуть».

УДК 821.133.1-053.6

ББК 84(4Фра)-44

© Пари Ж., 2002

© ИД "КомпасГид", 2002

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

18

Жиль Пари

Я хотел убить небо.

Автобиография Кабачка

© Plon, un département d'Edi8, 2002 & 2016,

© Издание на русском языке, перевод на русский язык, оформление. ООО «Издательский дом «КомпасГид», 2019

* * *

Посвящается Лорану С.

От автора

Я выражаю искреннюю благодарность Жаклин Виалатт, директору приюта «Прессуар дю Руа», а также воспитателям и психологу за бесценные подсказки, которые очень помогли мне написать эту книгу. Я благодарю также Паскаля Лагарда, учителя из Форже, и Мари-Анн Болон, судью по делам несовершеннолетних из Бобиньи.

Мне бы не хотелось, чтобы эти люди пытались узнать себя в героях «Автобиографии Кабачка»: и сюжет, и все персонажи в книге вымышленные.

Приют «Прессуар дю Руа» и школа в Форже стали для меня источниками вдохновения, а также снабдили необходимыми фактическими и юридическими сведениями; ну а уж остальное довершила авторская фантазия.

Поэтому я надеюсь, что мне простят некоторые вольности, которые я мог допустить в этой книге о детском приюте, расположенном где-то во Франции.

* * *

Я всегда хотел убить небо, с раннего детства.

Потому что мама всё время говорила:

– Знаешь, Кабачок, зачем небо такое большое? Чтобы мы тут внизу не забывали, что сами-то мы – так себе, мелкота.

Или:

– Жизнь – это паршивая копия серого неба с уродскими тучами, из которых льются одни только несчастья.

Или:

– Мужики вечно витают в облаках. Вот пусть бы там и оставались, как твой папаша, который поехал в кругосветное путешествие с этой своей козой.

Мама иногда несёт полную чужь.

Я был совсем маленьким, когда папа уехал, но до сих пор не понимаю, кому может прийти в голову взять с собой в кругосветное путешествие козу. Это ведь глупая скотина: если подлить козе в еду пиво, она выпьет, а потом скачет по сараю как сумасшедшая.

Но вообще мама не виновата, что мелет ерунду. Это у неё тоже от пива, она пьёт его всё время, пока смотрит телевизор.

Выпивает – и давай ругаться на небо и бить меня, даже когда я ничего плохого не сделал.

И я в конце концов начинаю думать, что небо и мамины побои – две части одного целого.

И если я убью небо, мама успокоится, и тогда я смогу с чистой совестью смотреть телевизор и не бояться, что мне за это влетит по первое число.

* * *

Сегодня среда.

Учительница говорит, что это «детское воскресенье»¹.

А я бы лучше пошёл в школу. Мама смотрит телевизор, и мне хочется поиграть в стеклянные шарики с Грегори, но Грегори живёт далеко, а ночевать у нас ему больше не разрешают, с тех пор как наши мамы поссорились из-за мяча и разбитого окна. Мама сказала по телефону, что Грегори – бездельник, и бросила трубку, на прощанье обозвав маму Грегори уличной девкой, потому что та прокричала ей, что уж лучше иметь сына-бездельника, чем самой быть алкоголичкой.

Я говорю маме: «Пойдём поиграем в шарики», а она говорит телевизору: «Осторожно, сзади! Он тебя убьёт!», я тогда снова спрашиваю про шарики, а мама продолжает разговаривать с телевизором: «Нет, ну и придурок», и я не знаю точно, придурок – это я или тот месье, которого только что прикончили, а ведь мама его предупреждала.

Я поднимаюсь к себе в комнату и смотрю в окно на соседского мальчика, он всегда играет сам с собой, ему никто не нужен. Залезает на свинью, как будто это ему осёл, и смеётся себе под нос. Мне становится грустно, и тогда я иду в мамину спальню, там не заправлена постель и одежда разбросана по полу, я застилаю постель и подтаскиваю стул – мне нужно на него забраться, чтобы сложить вещи с пола на самый верх горы грязной одежды, которая выросла на бельевой корзине, а потом я уже не знаю, чем ещё заняться, поэтому роюсь в шкафах и в ящике комода под ворохом неглаженных рубашек обнаруживаю револьвер.

Я страшно доволен и думаю: «Пойду поиграю в саду». Прячу револьвер в штаны и выхожу из дома с таким видом, как будто не происходит ничего необычного.

Впрочем, мама всё равно на меня не смотрит, она говорит телевизору:

– Эта дура не для тебя, мой мальчик!

Я прихожу во двор, и мне даже целиться не надо. Небо – оно ведь большое.

Я стреляю один раз и падаю.

Я поднимаюсь на ноги и стреляю второй раз – и снова падаю.

Мама выходит из дома. Она хромотает, потому что у неё больная нога, и кричит: «Чё тут творится?», а потом видит меня с револьвером в руке и кричит: «О господи, ну за что мне такой Кабачок? Ты совсем как твой папаша! А ну давай сюда эту фигню».

И пытается отобрать у меня револьвер.

Я говорю: «Но это ведь для тебя, я не хочу, чтобы ты на меня кричала», и не выпускаю револьвера из рук, и тогда мама падает на спину.

Она орёт: «Вот дерьмо!», хватается за большую ногу, я спрашиваю: «Тебе больно?», и она пинает меня другой ногой, той, на которой обычно прыгает, и потом вопит: «А ну отдавай быстро, я два раза повторять не буду!» Я тогда говорю: «Ты уже и так два раза повторила», – и не отдаю ей револьвер, и тогда она кусает меня за руку, но я держу револьвер очень крепко и тяну его к себе изо всех сил, раздаётся выстрел, и мама опрокидывается назад.

¹ В большинстве французских школ по средам дети не учатся. – *Здесь и далее примечания переводчика.*

* * *

Я долго лежу в траве и смотрю на небо.

Я надеюсь разглядеть витающего в облаках папу, чтобы он мне сказал, что делать.

Небо я так и не убил.

Всего лишь прострелил дырки в тучах, из которых льются одни только несчастья, а может, это папа шлёт мне с неба слёзы, чтобы я мог смыть кровь с мамино домашнего халата.

Сначала я подумал, что она уснула или притворяется, чтобы надо мной подшутить, хотя это вообще-то не самая весёлая шутка, особенно после того несчастного случая.

Я легонько трясу маму.

Она похожа на мягкую тряпичную куклу, и глаза у неё широко открыты. Я вспоминаю про детективные фильмы, в которых всё время убивают женщин и потом они всегда похожи на мягких тряпичных кукол, и тогда я говорю себе: «Ну вот, я убил маму».

В этих фильмах никогда не показывают, что происходит с тряпичными куклами дальше, поэтому я просто жду, и наступает ночь, и я сильно проголодался и иду в дом, чтобы съесть бутерброд с майонезом, а потом больше уже не решаюсь выйти.

Я думаю про живых мертвецов, которые встают из могил и приходят пугать людей, у них ещё бывают в руках топоры и глаза болтаются.

Поэтому я лезу на чердак – я знаю, что мама со своей негнушейся ногой туда не долезет.

Я сижу на чердаке и ем яблоки: играть ими в футбол мне не хватает смелости.

А потом засыпаю.

Когда я открыл глаза, в доме было очень шумно, и я испугался, что это живые мертвецы и мягкие тряпичные куклы зовут меня по имени.

Меня никто, кроме учительницы, не называет Икаром.

Для всех я – Кабачок.

А потом дверь чердака отворилась, и я увидел месье, которого никогда раньше не встречал, он вроде не был похож на живого мертвеца, но мертвецы хитрые и могут притворяться людьми, как в сериале «Захватчики», и я стал отстреливаться яблоками, которые у меня как раз были под рукой, и месье свалился с лестницы.

Потом я увидел соседского мальчика, который явился с целой толпой полицейских.

Один из них сказал: «Осторожно, тут яблоки», потому что поскользнулся на них, и тогда соседский мальчик закричал: «Ты убил моего папу!», а другой полицейский сказал: «Нет, твой папа просто сильно ударился», а потом этот самый папа встал, и они толпой двинулись на меня, и я сказал себе: «Ну всё, конец фильма».

Я закрыл лицо руками и стал ждать, что сейчас мне влетит по первое число, и тут кто-то погладил меня по голове, и я тогда растопырил пальцы, и соседский папа сидел рядом со мной на корточках и спрашивал меня: «Мальш, ты видел, кто это сделал?»

Все полицейские смотрели на меня, и соседский мальчик тоже.

Мне было немного страшно оттого, что все на меня смотрят, и я дрожал, а потом услышал, как чей-то низкий голос сказал: «Оставьте нас одних, вы же видите, ребёнок напуган».

Все разошлись, остался только полицейский с низким голосом, он разрёб яблоки и уселся на пол. Из-под его рубашки выглядывал большой белый живот.

– Сколько тебе лет, Икар?

Я посчитал на пальцах, как нам показывала в школе учительница, и сказал:

– Девять.

Он достал из кармана маленькую тетрадочку и что-то в ней записал. А потом его низкий голос стал совсем тихим, и он спросил, что произошло, и я рассказал ему про живых мертвецов, и про мягких тряпичных кукол, и про «Захватчиков», которые переодеваются в людей.

Полицейский приподнял фуражку, почесал затылок и сказал, что его зовут Реймон и что я могу его прямо так называть.

– Хорошо, – ответил я. – Но ты тогда зови меня Кабачком.

Он ничего не сказал, а потом спросил очень тихо (так тихо, что мне даже пришлось попросить, чтобы он повторил вопрос):

– Как это произошло с твоей мамой?

– А, это всё из-за неба.

Полицейский посмотрел на свои грязные ботинки и переспросил немного странным голосом:

– Из-за неба?

И тогда я рассказал ему про папу, который витает в облаках, и про «пежо-404», который врезался в старый дуб и сломал маме ногу, и про месье, который присылает ей каждый месяц деньги на еду и на рубашки моего размера.

– А папа твой где? – спросил Реймон.

– Папа уехал в кругосветное путешествие с козой.

– Бедный малыш. – И полицейский погладил меня по голове.

Я чувствовал себя странно оттого, что все эти люди гладят меня по голове, поэтому слегка отодвинулся.

– А мама с тобой хорошо обращалась? – Он снова снял фуражку, волосы под ней были мокрые, и на лбу от неё отпечатался след.

– Ну да, она готовит вкусное пюре, и иногда мы смеёмся.

– А когда не смеётесь?

Я подумал и спросил:

– То есть когда я сижу на чердаке?

– Да, когда ты сидишь на чердаке.

– Ну, на чердаке я сижу, когда плохо себя вёл и не хочу, чтобы она ударила меня по щеке, а то потом надо тереть щёку, пока следы от пальцев не исчезнут. У неё нога не гнётся, так что на чердаке можно не бояться.

– И что ты сделал, когда в последний раз плохо себя вёл?

– Ну... Наверное, в последний раз я вёл себя плохо вчера, когда играл с револьвером.

– Револьвер – это не игрушка, малыш.

– Я не хотел один играть в шарики, а мама смотрела телевизор, и Грегори больше к нам не приходит, так что мне нечем было заняться, я даже со свиньями не умею разговаривать, как соседский мальчик.

– Хорошо, хорошо... – сказал Реймон и спросил: – А где ты взял револьвер?

Он спрашивал, а сам опять чесал затылок, я даже подумал, может, у него вши или ещё что.

– В маминой спальне.

– Мама разрешала тебе брать револьвер?

– Нет, я даже не знал, что он у неё есть.

(Я не решился сказать, что немного порылся в её вещах.)

Реймон пожевал карандаш, как будто это травинка.

– А потом что произошло?

– Я вышел во двор с револьвером и стал играть.

– Это ведь не игрушка.

– Ты это уже говорил, месье. Если бы ты был здесь вчера, мы бы могли поиграть в шарики.

– Я просил, чтобы ты называл меня Реймоном. Итак, револьвер. Ты что же, стрелял из него?

– Да, я хотел убить небо.

– Убить небо?

– Ну да, небо, потому что там тучи, из которых льются одни только несчастья, и мама из-за этого всё время пьёт пиво, кричит и бьёт меня то по голове, то по заднице, и потом у меня надолго остаются следы от пальцев.

– Мама тебя била?

– Сначала – только если я что-нибудь натворил, а потом стала кричать и бить просто так, ни с того ни с сего, и тогда я забирался на чердак и спал с яблоками.

Реймон записывал не знаю что в свою тетрадочку и высовывал язык от усердия – я даже рассмеялся.

– Почему ты смеёшься, малыш? – пробасил Реймон.

– Ты высовываешь язык, как жирный Марсель, когда он пишет то, что диктует учительница.

Полицейский улыбнулся и снова почесал голову, и я спросил, может, у него вши, а он ответил, как будто меня не услышал:

– А потом ты, значит, выстрелил в маму?

– Я не нарочно, она хотела отнять у меня револьвер, она рассердилась и кричала, что я придурок, как папа, и выстрел получился как-то сам собой.

Несколько секунд я боролся со слезами, сначала они щекотали горло, а потом всё-таки навернулись на глаза, и я уже ничего не видел.

– Всё позади, малыш, ну-ну, успокойся, на, возьми мой платок.

Я вытер платком глаза, а у меня ещё и сопли текли, так что я заодно высморкался.

– А другие родственники у тебя есть, малыш?

– Нет, только мама.

Я вернул платок, и он убрал его в карман.

– Хорошо, поедешь со мной в участок, позвоним оттуда судье.

– Судья – это месье, который стучит молотком и отправляет преступников в тюрьму?

– Ты не преступник, малыш, ты слишком маленький для того, чтобы тебя отправили в тюрьму. Судья отправит тебя в дом, где живут такие же дети, как ты.

– А мама тоже туда приедет?

Реймон почесал затылок и сказал:

– Твоя мама навсегда останется в твоём сердце и твоей памяти, но здесь её больше нет.

– А где она? Уехала в город?

– Нет, малыш, она на небе, с ангелами.

– Нет, – сказал я. – Не с ангелами, а с папой.

* * *

Когда мы вошли в участок, какой-то полицейский сказал: «Что, Реймон, нашёл себе напарника?», и тогда Реймон посмотрел на полицейского, а тот посмотрел на свои ботинки.

Я уселся у Реймона в кабинете, и второй полицейский больше не смеялся, а вместо этого принёс мне горячий шоколад в пластиковом стакане, и побыл со мной, пока Реймон разговаривал по телефону в соседнем кабинете, и спросил у меня, что я натворил, чтобы попасть сюда, и я сказал, что промахнулся, когда стрелял из револьвера в небо, а вот с мамой всё получилось как раз наоборот, и полицейский разинул рот от удивления и так и сидел, пока не вернулся Реймон.

– Дюгомье, рот закрой, а то муха залетит, – сказал Реймон полицейскому. – Лучше сходи принеси мне кофе.

А потом он повернулся ко мне:

– Ну вот, малыш, я поговорил с судьёй и сейчас отвезу тебя в приют рядом с Фонтенбло, там есть для тебя место, а с судьёй ты увидишься позже.

– Что такое приют?

– Большой дом, там целый воз детей и воспитателей, которые будут о тебе заботиться.

– Кто такие питатели?

– Питатели? – растерянно переспросил он.

– Ты сказал: «Там воз детей и воз питателей».

– Воспитатели. Это такие люди, которые занимаются образованием детей.

– А эти питатели бьют по заднице?

– Нет, и никогда не кричат – если, конечно, ты не выведешь их из себя, но ты не похож на несносного ребёнка, малыш.

У меня в горле опять стало щекотно, но я проглотил слёзы.

Я сидел на стуле и болтал ногами, а в руках у меня был пластмассовый стаканчик, ещё горячий, и мне нравилось чувствовать пальцами его тепло и слушать голос этого великана, который сидел передо мной верхом на стуле.

Он не очень хорошо побрился, у него было много волосков на шее и ещё немного торчало из ушей. У него вспотели лоб и подмышки, верхняя губа тоже была мокрая, некоторые капельки пота с губы он глотал и сам этого не замечал.

– А ты останешься со мной в большом доме? – тихо спросил я.

– Нет, Икар, я не могу.

– И когда мы туда поедем?

– Прямо сейчас, – ответил Реймон и встал со стула.

Он позвал Дюгомье, который давно смотрел на нас из соседнего кабинета...

– Займись делом Мерлена, я буду к вечеру.

Дюгомье спросил, может, я хочу ещё шоколада, и я сказал: «Да, хочу», но Реймон сказал: «Не время», и тогда я заплакал, и Реймон пошёл за шоколадом.

Я пил маленькими глотками пополам со слезами, которые капали в стакан, а потом мы уехали.

На шоссе Реймон включил радио, там пела Селин Дион, и я вспомнил, что мама поёт эту песню, когда ставит в воду полевые цветы. У меня заурчало в животе, и я сказал:

– Хочу есть.

Мы заехали в «Макдоналдс», я взял себе чизбургер и колу, и Реймон – то же самое.

– Не волнуйся, малыш, всё наладится, – сказал он.

Я рыгнул, потому что так бывает, когда пьёшь колу, и добрый полицейский засмеялся.

– Знаешь, зови меня Кабачком. Я тебе с самого начала сказал, но ты не услышал. Икаром меня называет только учительница, и иногда я даже не сразу отзываюсь, потому что думаю, что это она говорит кому-то другому.

– Кабачком тебя называла мама?

– Да, и все мои друзья.

Мы снова поехали по шоссе, и я смотрел в окно на деревья и дома, а Реймон вглядывался в маленькие зеркала и обгонял машины, которые ехали ещё медленнее, чем мы, а потом машина полицейского свернула с большой дороги, и дальше мы поехали по узким дорожкам.

Потом был мост, и я увидел реку, Реймон снизил скорость и сказал:

– Уже недалеко.

Я посмотрел на серую воду, и почти сразу он сказал:

– Приехали, малыш. Ничего себе домишко! Будешь здесь как сыр в масле!

И он вышел из машины с моим чемоданом, а я остался сидеть внутри, потому что не хотел быть как сыр в масле.

Домишко оказался настоящим замком, как в кино.

Нам навстречу спустилась по лестнице женщина с седыми волосами и в красном платье. Она разговаривала с полицейским, который держал в руках мой чемодан, и они оба смотрели на меня, а потом подошли к машине.

Женщина в красном нагнулась, заглянула в окно, улыбнулась и сказала: «Пойдём, Икар, я покажу тебе твой новый дом», и тогда я отстегнул ремень, вышел из машины и стал смотреть на камешки под ногами.

– Меня зовут мадам Пампино, – представилась женщина с седыми волосами. – Но ты можешь называть меня Женевьевой.

Я не пошевелился.

Я услышал низкий голос Реймона: «Поздоровайся с мадам, Кабачок», и тогда я поздоровался с камешками на тропинке и подумал: «Как глупо, что все просят меня называть их по имени, мы ведь даже не знакомы».

– Ну что ж, я поеду, – сказал полицейский. – У меня есть ещё и другие дела.

Он поставил чемодан на ступеньки и приподнял мне голову за подбородок, чтобы увидеть моё лицо.

– Веди себя хорошо, дорогой Кабачок, – сказал он и снова погладил меня по волосам.

На этот раз я не отодвигался, я сказал: «Не уезжай, Реймон», взял его большую руку и прижался к ней щекой.

– Я скоро приеду тебя навестить, малыш. – Полицейский оторвал ладонь от моего лица и спрятал руку в карман, как будто хотел увезти с собой моё тепло.

Потом он поцеловал меня в лоб, разогнулся, сказал: «Прямо беда все эти истории», – и сел в машину.

– Будь хорошим мальчиком. До свидания, мадам.

Женщина в очках сказала:

– До свидания, месье, и спасибо.

Машина с голубым помпоном попятилась и уехала.

И у меня опять стало щекотно в горле.

А мадам взяла чемодан и повернулась ко мне.

– Пойдём, Икар. Ты, наверное, голодный.

Я сказал: «Нет», она положила руку мне на плечо, и мы стали подниматься по лестнице.

* * *

Скоро будет три месяца, как Ахмед писает в постель и каждое утро спрашивает у Розы, когда к нему приедет папа.

Симон, который всегда в курсе всего, говорит, что папа Ахмеда приедет к нему не раньше, чем сбежит из тюрьмы, и Розы тогда смотрит на него сердито, и Симон задирает нос и требует, чтобы Розы завязала шнурки у него на кроссовках, которые всё время развязаны.

А Розы говорит, чтобы он не слишком много о себе воображал.

Мы с Ахмедом и Симоном живём в одной комнате.

В первую ночь Симон сказал, что я здесь минимум на три года и что в моих интересах намазывать ему тосты маслом за завтраком, а если я этого делать не буду, он испортит мне жизнь.

Симон – он такой, воображает о себе слишком много и всем угрожает, но, если на него прикрикнуть, сразу же перестаёт валять дурака.

В первое утро я положил кусочек масла на тост и вlepил этим тостом ему в нос, тогда он схватил меня за волосы, и я его тоже. Рози нас растащила, глаза у неё были сердитые: «Чтоб я этого не видела, обоим накажу», и Ахмед заревел, потому что ему всегда кажется, что он в чём-то виноват, и мы с Симоном иногда этим пользуемся и сваливаем всё на него, даже если он ни при чём.

После того бутерброда Симон больше меня не достаёт, иногда я завязываю шнурки у него на кроссовках двойным узлом, как меня учила мама, и по вечерам развязывать их приходится Рози, потому что Симон, дай ему волю, и спать будет в кроссовках в этом нашем доме, который мы между собой называем тюрьмой.

Вслух мы говорим «приют», но мадам Пампино это не нравится.

Она больше любит, когда говорят «наш дом» или просто «Фонтаны».

Когда мы что-нибудь натворим, нас наказывают.

Это называется общественно-полезными работами.

Нас отправляют собирать сухие листья под деревьями или складывать простыни, а самое тяжёлое наказание – драить перила на лестнице, они всегда ужасно грязные.

В семь утра нас будит поцелуями Рози. Она даёт нам поспать ещё пять минут и только потом включает свет, и мы молча надеваем те вещи, которые приготовили с вечера, чтобы не разбудить младших, они встают на полчаса позже, чем мы. Рози меняет бельё на постели Ахмеда, и он всё это время ревет, а потом мы завтракаем в кухне, где всё для нас уже приготовлено. Там пахнет шоколадом и жареным хлебом, и нам остаётся только намазывать на хлеб масло и джем.

Жюльен – толстяк со светлыми волосами по кличке Жужуб – сыпет кукурузные хлопья в здоровенную миску молока, потому что его мама как-то написала в открытке, которую прислала из Перу, что «это полезно для здоровья». С тех пор она ему больше ничего не присылала, и Жужуб носится с этой своей открыткой, держит её в кармане вместе с печеньем, и она уже вся помялась и перепачкалась, даже не видно, что там на ней написано.

Симон говорит, что Перу – это полезно для здоровья мамы Жужуба, но не для здоровья самого Жужуба, который часто попадает в медкабинет: то у него болит живот, то голова, то его тошнит. Иногда Рози приклеивает Жужубу пластырь на палец, и ему сразу становится лучше, он ходит и показывает всем свой больной палец, который на самом деле совсем и не больной.

Когда завтрак окончен, мы помогаем Рози убрать, не помогает только Алиса, у неё глаза вечно занавешены длинными тёмными волосами, и она каждый раз роняет то стакан, то тарелку и потом стоит и не двигается, и Рози говорит: «Ничего страшного, моя милая», и Алиса накрывает голову руками, как будто Рози сейчас будет её бить.

За завтраком Алиса часто сидит на коленях у Рози и сосёт большой палец, это всё, что можно разглядеть под её волосами, лица за ними никогда не видно. Алиса почти не разговаривает, и Симон говорит, что её мама пьёт, и папа тоже, и что они её всё время били и привязывали к батарее, и я решил для себя, что её папа, видимо, убийца блондинок, как в телевизоре.

Потом мы идём умываться, и Рози проверяет, действительно ли мы чистили зубы, и часто Симон отправляется вместе с Рози обратно в ванную, потому что он просто включает воду в душе, а сам туда не залезает. Мы слышим, как он кричит на Рози, когда та намыливает его с ног до головы.

Потом мы возвращаемся в спальню, чтобы повторить уроки, и иногда Рози просовывает голову в дверь – посмотреть, не кидаемся ли мы подушками или что-нибудь ещё такое, и, если обнаруживается, что кидаемся, вечером нас отправляют драить перила.

А потом пора ехать в школу: внизу ждёт автобус. Рози проверяет, все ли взяли ранцы, обнимает нас, крепко прижимая к своей огромной груди, и передаёт на попечение Полины, и тогда мы сбегает вниз по лестнице и забираемся в автобус, и Жерар, водитель автобуса, с нами здоровается. Полина нас пересчитывает, для этого она загибает пальцы на руках,

и потом садится рядом с Жераром и всё время на него пялится, но Жерару плевать, он поёт громче, чем кассеты с записью Жюльена Клерка или Анри Сальвадора, которые знает наизусть.

Полина и Розы друг друга не то чтобы любят.

Это надо видеть, какими глазами Розы смотрит на Полину: та курит сигарету, и губы у неё накрашены красной помадой, а на ногах очень красивые лакированные ботинки, и этими ботинками она тушит сигарету перед тем, как войти в автобус.

Розы прямо сверлит её взглядом, а Полина затягивается сигаретой и закидывает ногу на ногу, а ноги у неё при этом голые, и она говорит: «Привет, Розы», а Розы притворяется глухой.

Однажды Симон прокопался с рюкзаком и услышал, как Розы прошипела сквозь зубы (за спиной у Полины): «Кошка драная», – и с тех пор мы между собой называем Полину кошкой драной, и нам от этого очень смешно.

Мне нравится сидеть в автобусе на заднем ряду, с Симоном.

Ахмед всегда сидит один сразу за Жераром, с ним никто не хочет садиться, потому что он всё время ревет.

Жужуб тоже сидит один, с пластырем на пальце, он показывает этот свой палец Полине, и она говорит: «У, плохая болячка!», и толстый Жужуб ужасно доволен, что кому-то есть до него дело, и на радостях съедает печенье из кармана.

Алиса сидит в середине, рядом с Беатрисой, маленькой чернокожей девчонкой в розовых очках, которая вечно ковыряется в носу, а потом ест козлявки.

Братья Шафуан, Антуан и Борис, сидят через два ряда от девочек. Они всё время вместе, и у них никогда не кончаются темы для разговоров.

Симон говорит, что они осиротели, когда их родители погибли в автомобильной аварии, и я спросил у него, что такое «осиротели», и Симон сказал: «Это значит, стали такими детьми, которых больше некому любить», но я тогда сказал, что ведь Розы нас всех любит, а Симон: «Ну ты и придурок», и я тогда схватил его за волосы, и Симон закричал, Полина нас разняла, а вечером мы пошли драить перила.

Иногда, когда Симон засыпает, я слушаю, как братья Шафуан играют в словарь.

Борис называет странные слова: «анорексия», «геморрой», «эпилепсия». Антуан ему на это отвечает: «рахит», «ипохондрик» и «параплегия».

И я вообще ничего не понимаю.

А иногда Борис надевает наушники и поёт так же громко, как Жерар, только песни у него другие, и Полина подходит и снимает с него наушники, она их отдаст ему потом, в школе. Борис сидит надувшись и приговаривает: «Кошка драная», и мы все смеёмся, и он тоже смеётся, и вот он уже больше не дуется.

Когда братья Шафуан не болтают друг с другом, они вышивают толстыми разноцветными нитками: тыкают иглой в лошадь, прыгающую через барьер, или в букет роз, и букет этот напоминает мне полевые цветы, которые я собирал для мамы каждый раз, когда меня было за что отлупить.

Однажды Жерар решил объехать кошку, выскочившую на дорогу, и сильно крутанул руль, мы все попадали с сидений, и братья Шафуан тоже, так что их иголки вместо того, чтобы воткнуться в лошадь или букет роз, воткнулись им прямо в пальцы, а они даже не закричали.

Я видел, как они вынули иголки и стали сосать пальцы, пока не перестала идти кровь, а Полина тем временем проверяла, все ли живы-здоровы, и у всех всё было хорошо, не считая Жужуба, который говорил, что сломал себе ногу, и ревел. Тогда Полина помассировала ему ступню, которая совсем даже не была сломана, и Симон сказал: «Это он просто чтобы на него обратили внимание».

А потом автобус Жерара въезжает в парк, и вот мы уже в школе, рядом с большим зданием с серыми ставнями, где спят по ночам другие дети.

Это как будто такая страна детей, которых некому любить.

Учителя зовут месье Поль, он очень добрый. Он учит нас географии Франции по большим картам, прикрепленным к доске, и я не совсем понимаю, как туда могут поместиться все дома, в которых живут люди.

Я спросил, а где река, потому что подумал про Реймона, который приезжает меня навещать каждые выходные, и учитель Поль указал мне на что-то вроде змейки, которая тянется из «большого города» и потом разделяется на «рукава». Чушь какая-то. Зачем рекам рукава, если у них нет рук?

Ещё бы сказал, что у них есть штанины или, там, шапка.

Когда мы не изучаем географию, месье Поль рассказывает нам историю людей, которые жили до нас и назывались кроманьонцы. Они похожи на обезьян, и они изобрели огонь, когда потёрли друг о друга два камешка. Эти люди жили все вместе в пещерах и одевались в шкуры животных, а чтобы есть, охотились на диких зверей, для этого они сами себе делали оружие, например лук из куска дерева и лианы, и стреляли из него стрелами с острыми наконечниками из камня.

Я спросил у месье Поля: «А Тарзан тоже был кроманьонцем?» И весь класс засмеялся, и я стал весь красный, и даже не услышал ответа месье Поля, и потом больше уже не задавал никаких вопросов.

Симон решил узнать, мылись кроманьонцы или нет, и учитель сказал, что мыла тогда ещё не было, и душа тоже, и ванны, поэтому кроманьонцы мылись только случайно, когда падали в воду, и Симон громко сказал, что мыло изобрели родители, чтобы мучить детей, и все засмеялись, даже месье Поль.

Беатриса, маленькая чернокожая девчонка, сидит за партой, ковыряет в носу и ест свои козьявки, и месье Поль однажды спросил, может, ему одолжить ей и свой палец тоже, но она сказала: «Нет, спасибо».

Алиса всегда сосёт большой палец, и лицо у неё спрятано за волосами, и вот месье Поль как-то убрал ей волосы за уши и завязал в хвост резинкой, и Алиса послушно сидела, но только вся дрожала. Под волосами обнаружили два испуганных чёрных глаза, маленький рот как будто совсем без губ, очень маленький нос и тысяча веснушек.

Месье Поль сказал: «Так тебе будет лучше видно доску», и Алиса кивнула, но тут же закрыла лицо руками и, как только учитель вернулся к себе за стол, выбежала из класса, и месье Поль пошёл её догонять.

Когда они вернулись, месье Поль держал Алису за плечо.

А мы к тому времени забрались на парты и изображали кроманьонцев – кричали «онга-онга», – но, когда услышали строгий голос месье Поля, спустились с гор – все, кроме Симона, он продолжал кричать «онга-онга», и месье Полю пришлось тащить его за ухо в угол, чтобы он там стоял не шевелясь до самой перемены.

Когда звенит звонок, учитель хлопает в ладоши, и мы все должны выйти из класса, но это не всегда получается, потому что обязательно есть трое или четверо таких, кому месье Поль нравится больше, чем перемена, правда, это всегда другие дети, не из нашего приюта.

Толстый Жужуб говорит, что его тошнит или болит живот, и он идёт в медкабинет, и там его тошноту или больной живот лечат пластырем, который приклеивают на палец, и Жужуб всем показывает палец с пластырем, но нам с Симоном плевать, мы играем в шарик или в догонялки с братьями Шафуан и Ахмедом.

С другими детьми мы почти не общаемся, и они тоже стараются к нам не приставать, потому что в прошлый раз даже Беатриса, маленькая чернокожая девочка, вытащила палец из носа, чтобы ткнуть им в глаз тому типу, который захотел над нами посмеяться. Мы его тогда

здорово отделали ногами, даже Алиса, вот только она тогда уже сняла с волос резинку месье Поля и попала ногой в толстяка Жужуба, так что он орал ещё громче, чем тот тип на полу.

Мама мальчика пришла поговорить с месье Полем, и в конце урока он отвёл нас в сто-ронку и попросил больше так не делать, и мы тогда ему ответили: «Хорошо, месье Поль», а сами скрестили пальцы за спиной.

В нашем классе тоже есть дети не из приюта, но эти нас никогда не достают.

Как говорит Симон, «они на нас смотрят так, как будто мы дикие звери».

Симон всё про всех знает, и в тот день, когда Беатриса вынула палец из носа, я спросил у него, почему она попала в приют.

Симон сказал:

– Папа Беатрисы обжимал дочку вместо того, чтобы обжимать жену, и поэтому его жена вызвала полицию, и с тех пор папа Беатрисы в тюрьме вместе с папой Ахмеда.

Я спросил, что значит «обжимать», и Симон ответил: «Это когда распускаешь руки», и я иногда не представляю, откуда Симон столько всего знает.

В полдень мы обедаем в столовой в большом доме с серыми ставнями, и все дети из других классов тоже обедают с нами, в общем, народу получается очень много. Учитель и Полина садятся со взрослыми, и Полина смотрит на месье Поля, но месье Полю плевать, он смотрит на нас, детей из приюта. Беатриса, маленькая чернокожая девчонка, ест пальцами, которые по такому случаю вытаскивает из носа, и иногда месье Поль подходит к нашему столу, вытирает руки Беатрисы не очень чистой салфеткой и даёт ей вилку, и Беатриса смотрит в эту вилку, как будто это зеркало. Как только месье Поль отворачивается, Беатриса роняет вилку и зачерпывает пюре пальцами, и месье Поль оставляет её в покое, потому что Борис и Антуан пуляют из ложек зелёным горошком в детей за соседним столом, и те делают то же самое. Или потому что Алиса ничего не ест.

Ахмед не закрывает рта, когда жуёт, поэтому весь стол должен слушать его чавкание.

Толстый Жужуб всегда первым съедает всё, что было у него в тарелке, и иногда они с Ахмедом дерутся, кто доест за Алисой. Они тянут её тарелку каждый в свою сторону и часто опрокидывают на стол, и Полина говорит: «Ну просто невозможные дети», и мы тогда читаем по губам Бориса, что он отвечает: «Кошка драная», и нам ужасно смешно.

После обеда месье Поль учит нас строить дом. Пахнет клеем и деревом, и толстый Жужуб говорит, что его тошнит, и тогда мы ему говорим, что он уже достал.

Месье Поль выпиливает доски и намазывает их сверху клеем, а мы строим из них «дом своей мечты» на полянке из искусственной травы, с тряпочками на окнах.

Симон заколотил досками все свои окна и не хочет никакой искусственной травы: «У нас вокруг только бетон», и трубу на крышу он тоже не захотел приклеивать: «У нас дома огня не разводят», и я тогда спросил: «У вас – это где?», и он мне ответил: «В большом городе», и тогда я спросил: «Почему ты в приюте?», но он ничего на это не сказал.

Алиса не стала приделывать крышу: «Чтобы видеть звёзды и луну».

Беатриса украсила всё искусственной травой, братья Шафуан построили дом из стекла: «Так нас все будут видеть», а Ахмед ничего не делал и только ныл, поэтому месье Поль подошёл, чтобы ему помочь, но Ахмед сказал: «Дома моей мечты не существует», и вышел из класса, и месье Поль пошёл его искать, но, уходя, сказал нам: «Предупреждаю: когда вернусь, никаких онга-онга!»

И мы были суперпослушными, приклеивали игрушечных животных на искусственную траву – все, кроме Бориса, который нюхал клей и стал потом очень чудной, и месье Полю пришлось вести его в медкабинет вместе с Ахмедом, который вцепился в руку учителя и ни за что не хотел её отпускать.

Месье Поль всегда так обращается с детьми.

Симон говорит, что у него шестеро собственных детей и что, если к кому-нибудь в приют в субботу или воскресенье никто не приезжает, мадам Пампино разрешает ездить к месье Полю в гости с ночёвкой.

– К тебе-то приходит полицейский, тебе повезло, – сказал Симон.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.